

начать всякий, кто только посвящал себя философии; и это вместе с главным началом опытного знания, эмпиризма, которое заключается в том, что всякое знание необходимо обуславливается непосредственностью присутствия познающего, составило главный характер ума, освобожденного Реформацией от папского авторитета, характер, который преимущественно выразился в XVIII веке в двух различных, друг другу противоположных и друг с другом неразрывно связанных сферах, в теоретической и практической, в философии Канта, Фихте, Якоби в Германии и в эмпирических философствованиях и рассуждениях Вольтера, Руссо, Дидерота, д'Аламберта и других французских писателей, облекших себя в громкое и незаслуженное название философов. Но ум человеческий, только что пробудившийся от долгого сна, не мог вдруг познать истину: действительный мир истины был не по силам ему, он еще не дорос до него и должен был необходимо пройти через долгий путь испытаний, борьбы и страданий, прежде чем достиг своей возмужалости; истина не дается даром, нет, она есть плод тяжких страданий, долгого мучительного стремления. Да, страдание есть благо: оно есть то очистительное пламя, которое преобразует и дает крепость духу; страдание есть воспитание, разумный опыт духа, и дух, не получивший этого воспитания, не очищенный и не освященный страданием, есть не более как дитя, которое еще не жило и которому предстоит еще жизнь со всеми ее горестями и радостями. Кто не страдал, тот не знает и не может знать блаженства исцеления и просветления силою благодатной любви, которая есть источник жизни и вне которой нет жизни.

XVIII век был век второго падения человека в области мысли. Он потерял созерцание бесконечного и, погруженный в конечное созерцание конечного мира, не нашел и не мог найти другой опоры для своего мышления, кроме своего *я*, отвлеченного, призрачного, когда оно находится во вражде с действительностью. Канту пришла в голову странная мысль – поверить способность познания прежде преступления к самому познанию. Эта проверка составляет содержание его «Критики чистого разума». Но спрашивается, какое же другое орудие употребил он для проверки познавательной способности, как не эту же самую познавательную способность? Началом всякого познания он признает первоначальное тождество *Я* в мышлении. Представления, данные в чувстве и созерцании, многообразны по своему содержанию, но по формам своим, по пространству и времени принадлежат к чистому чувственному созерцанию чистого *Я*; соединение этого многообразного в сознании чистого *Я* производится также посредством чистых форм рассудка, посредством категорий; но категории эти приложимы только к явлениям, данным в чувственном созерцании, и, следовательно, рассудок может познавать только явления конечного мира, потому что абсолютное и безусловное, не подлежащие условиям пространства и времени, недоступны для чувственного созерцания. Прилагая свои категории к безусловному и решая все вопросы, принадлежащие к этой сфере по закону необходимости, чистый рассудок впадает в антиномии, в противоречие, в утверждение двух совершенно противоположных положений – итак, мир чистого рассудка есть мир конечных явлений, и что познает он в этих явлениях? Пространство и время, необходимо улавливающие всякое явление, принадлежат не к познаваемому предмету и суть не что иное, как чистые формы чувственного созерцания, формы, принадлежащие к познающему *Я*; различия между предметами принадлежат также не предметам, а суть не что иное, как чистые формы рассудка: что ж остается в познаваемом предмете? Отвлеченность, вещь сама по себе! Фихте, система которого есть логическое и необходимое продолжение критической системы Канта, уничтожил и этот последний призрак внешнего существования, доказав, что вещь сама по себе есть также произведение, проявление чистого *Я*, и весь внешний мир, вся природа была объявлена призраком: действительно только *Я*, все же остальное – призрак; всякое определение, всякое содержание должны были уничтожиться перед этим отвлеченным, пустым и, по мнению Фихте, абсолютным тождеством: *Я=Я*.

Итак, результатом философии рассудка, результатом субъективных систем Канта и Фихте было разрушение всякой объективности, всякой действительности и погружение отвлеченного, пустого *Я* в самолюбивое, эгоистическое самосозерцание, разрушение всякой любви, а следовательно, и всякой жизни, и всякой возможности блаженства, потому что любовь – только там, где два друг другу внешние предмета соединяются в одно силою понимания, не переставая быть различными, а не там, где один отвлекает от другого и погружается в самосозерцание. Такое самосозерцание есть источник адских мук, нестерпимых страданий, потому что, где нет любви, там – страдание. Но германский народ слишком силен, слишком действителен для того, чтобы сделаться жертвою пустого призрака; подобная философия есть разрушение религии и искусства, а религиозное и эстетическое чувства были в нем слишком глубоки и спасли его от этого отвлеченного и безграничного уровня, который потряс и